

«ПОЧЕМУ ВОСТОЧНЫЕ НЕМЦЫ ЛЮБЯТ РУССКИХ»: ПРИЧИНЫ БОЛЬШЕЙ СИМПАТИИ К РОССИИ В НОВЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ ФРГ

М. В. Хорольская 



Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 09.07.2024 г.
Принята к публикации 21.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6
© Хорольская М. В., 2025

Несмотря на то что объединение Германии состоялось более 30 лет назад, взгляд населения восточных и западных земель на внешнюю политику все еще различается. В данной статье рассматриваются причины и предпосылки большей симпатии к России в восточной части ФРГ. В работе рассматривается вопрос влияния политической культуры восточных немцев и торговых связей РФ и новых федеральных земель на отношение к Москве. На основе архивных материалов, периодических изданий ГДР, социальных опросов и интервью автор проверяет гипотезу, что причины большей симпатии восточных немцев к России были заложены в совместном прошлом СССР и Восточной Германии. Распространение в ГДР русского языка и культуры, а также ограниченные контакты граждан двух стран сделали Советский Союз, а позднее и Россию менее чуждой и более понятной страной. При этом Москва и Восточный Берлин предпочитали избегать болезненных вопросов, которые могли подорвать двусторонние отношения стран. Автор также сравнивает особенности формирования политики памяти объединенной Германии и ряда других стран Варшавского договора. В связи с тем что ГДР, став частью единой страны, автоматически вступила и в западные структуры, объединенная Германия не обращалась к критике СССР и России для утверждения своей европейской идентичности.

Ключевые слова:

Россия, СССР, Германия, ГДР, восточные немцы, российско-германские отношения, политика памяти, примирение

Введение

Объединение Германии состоялось более 30 лет назад, однако новые федеральные земли (НФЗ), территория бывшей ГДР, все еще отличаются от старых. На востоке страны по-прежнему ниже средние зарплаты и пенсии, а также производительность труда. Ряд немецких исследователей и политиков были обеспокоены вопросом о сохранении различий в политической культуре и недостаточной укорененности демократических ценностей на этой территории [1, р. 258]. Подобные беспокойства вспыхнули с новой силой с ростом популярности в НФЗ правопопулистской «Альтернативы для Германии» [2].

Для цитирования: Хорольская М. В. «Почему восточные немцы любят русских»: причины большей симпатии к России в новых федеральных землях ФРГ // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 99–116. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6

Общественные деятели с некоторыми опасениями отмечают еще одну отличительную черту восточных немцев. Граждане бывшей ГДР иначе оценивают внешнюю политику Германии, в том числе ее отношения с другими странами. Причем различия в оценках отсылают нас к расколу времен холодной войны. Осси (немецкое неформальное обозначение граждан бывшей ГДР, в то время как весси — обозначение западных немцев) критичнее относятся к политике США и блока НАТО. Например, в 1999 г. только 36 % респондентов на востоке Германии и 94 % на западе одобрили действия Североатлантического альянса в Косовской войне 1999 г. [3, с. 95—96]. Согласно опросам 2021 г., 60 % восточных немцев и только 32 % западных считали, что Германия должна стать более независимой от Вашингтона¹.

Одновременно восточные немцы высказывали большие симпатии к России. Согласно опросам Körber-Stiftung 2019 г., 43 % населения в старых федеральных землях полагали, что для страны важнее тесные отношения с США, и только 21 % поддерживали сотрудничество с Россией. В новых землях, напротив, лишь 23 % опрошенных соглашались со значимостью трансатлантических связей, а для 38 % приоритетом было германо-российское взаимодействие².

Даже после начала в 2022 г. конфликта на Украине, резкого ухудшения отношений Москвы и Берлина и снижения доверия немцев к РФ, население восточных земель по-прежнему проявляло больше понимания по отношению к России, а также в меньшей степени поддерживало политику санкций и военную помощь Украине, чем жители запада страны³. В частности, 47 % западных немцев и 70 % восточных выступили против поставок Киеву ракет «Тaurus»⁴. В 2024 г. в старых федеральных землях 33 % респондентов называли военную помощь Украине чрезмерной, а 22 % полагали, что она недостаточна. В новых федеральных землях 47 % опрошенных сочли военные поставки чрезмерными, а 15 % недостаточными. Охарактеризовали антироссийские санкции как недостаточные 45 % западных немцев и 34 % восточных, в то время как 17 % респондентов из старых земель и 27 % из новых сочли их чрезмерными⁵.

¹ Forsa-Umfrage: Ostdeutsche fühlen sich Russland deutlich näher, Westdeutsche den USA, RND, 16.07.2021, URL: <https://www.rnd.de/politik/forsa-umfrage-ostdeutsche-fuehlen-sich-russland-deutlich-naeher-westdeutsche-den-usa-HMUGK6VO6BADTCBKZM6ZY4GANU.html> (дата обращения: 07.07.2024).

² Germany and the United States: Reliable Allies, Pew Research Centre, 07.05.2015, URL: <https://www.pewresearch.org/global/2015/05/07/germany-and-the-united-states-reliable-allies/> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Russland-Bild der Deutschen, *Infratest dimap*, 2022, URL: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/russland-bild-der-deutschen/> (дата обращения: 07.07.2024); Keine Mehrheit für mehr Waffenlieferungen, *Tagesschau*, 05.01.2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3255.html> (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Zurückhaltung bei möglicher Lieferung von Taurus-Marschflugkörpern an die Ukraine, *Infratest dimap*, 2023, URL: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/zurueckhaltung-bei-moeglicher-lieferung-von-aurus-marschflugkoerpern-an-die-ukraine/> (дата обращения: 07.07.2024).

⁵ Umfrage zeigt, wie Ost- und Westdeutsche ticken — drei Ergebnisse alarmieren, *Focus online*, 22.08.2024, URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/krieg-und-inflation-bereiten-sorgen-umfrage-zeigt-wie-ost-und-westdeutsche-ticken-drei-aussagen-alarmieren_id_260245479.html (дата обращения: 05.09.2024).

Различия методик опросов не позволяют проанализировать то, как начиная с 1990 г. менялось восприятие восточными немцами Москвы. Однако мы можем заключить, что для всех них характерна одна закономерность — восточные немцы проявляли большее понимание и меньший страх перед Россией¹.

Особенностям политической культуры восточных немцев посвящено большое количество глубоких научных исследований [5, р. 383; 6, р. 281; 7]. При этом тексты (в основном публицистические), анализирующие особое отношение осси к внешней политике и особенно к России, представляются менее беспристрастными. Во-первых, симпатия восточных немцев к Москве рассматривается как аномалия, черта, требующая тщательного изучения. Даже до конфликта на Украине было трудно представить статьи с названиями «Почему западные немцы относятся к России хуже, чем восточные» или «Почему западные немцы так любят американцев»². Восприятие населения старых земель воспринимается как норма, все, что от нее отклоняется, — как аномалия. Во-вторых, статьи и исследования не рассматривают симпатии восточных немцев к России как положительное явление или как особенность, которую можно использовать для улучшения российско-немецких отношений. Подобное восприятие началось до резкого осуждения взаимоотношений с Россией и боевых действий на Украине. В-третьих, восточные немцы в текстах выступают объектом — исследования и политического образования³. В-четвертых, даже в научных работах происходит смешение симпатий восточных немцев к России, российской политической системе, российской политической элите [4].

В данной статье сделана попытка без каких-либо моральных оценок выявить предпосылки большей симпатии восточных немцев к России, для чего предлагается проверить несколько гипотез. Во-первых, можно ли объяснить более положительное отношение к Москве особой политической культурой осси или тесными экономическими связями РФ и НФЗ. Во-вторых, высказывается предположение, что существенные предпосылки для восприятия России могли быть сформированы в период взаимодействия ГДР и СССР, в связи с чем мы обращаемся к истории советско-германского примирения. В-третьих, чтобы понять, почему отношение восточных немцев к Москве отличается от восприятия РФ в ряде других стран Восточного блока, также рассматриваем особенности политики памяти в объединенной Германии. При этом опираемся на концепцию А. Ассманн и ее понимание коллективной памяти [8], а также на подход М. Хальбвакса, согласно которому личная память формируется в контексте коллективной [9]. Источниковой базой исследования служат взятые нами интервью, периодическая печать (восточногерманская газета «Neues Deutschland»), архивные документы, статистические данные и мате-

¹ Автор опирается на данные пяти восточных земель в связи с тем, что опросы часто не включают данные Берлина. За последние годы только Центр восточноевропейских и международных исследований (Zois) опубликовал исследование, согласно которому население Берлина меньше, чем жители восточных и западных земель, поддерживает связи с Москвой [4, р. 15]. Можно предположить, что на эти результаты повлияли данные Западного Берлина и миграция в столицу из других регионов.

² Reference to the article «Why are many East Germans mild towards Russia» Warum viele Ostdeutsche russlandmilde sind, *Spiegel*, 03.10.2022, URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nach-putins-angriffskrieg-warum-viele-ostdeutsche-russlandmilde-sind-a-961d45a1-b648-4d8f-8292-04873df157cb?dicbo=v2-c29b19b7f695b7420efefb8a48f2243d> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Russland ist Teil der ostdeutschen Identität, *Tagesschau*, 26.02.2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/ostdeutschland-ukraine-101.html> (дата обращения: 10.06.2024).

риалы опросов. Понимая ограниченность качественных подходов, полагаем, что в следующих исследованиях выводы данной статьи должны быть проверены социологическими методами.

«С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»

Согласно первой гипотезе большая симпатия к России на востоке ФРГ связана с тесными экономическими связями между РФ и НФЗ. Для ее проверки используются данные двусторонней торговли до 2022 г., когда произошел резкий спад экономического взаимодействия.

Объем торговли частично подтверждает данное предположение. В период 2020—2021 гг. Россия была главным экспортером для двух восточных земель — Бранденбурга (на первом месте в 2021 и 2020 гг.) и Саксонии-Анхальт (на первом месте в 2021 г. и на втором в 2020 г.)¹.

В 2021 г. российские поставки в Саксонию-Анхальт (2,9 млрд евро) составляли 15 % от всего импорта в федеральную землю и значительно превосходили поставки других торговых партнеров², одновременно экспорт из Саксонии-Анхальт в Россию не был высок — 314 млн евро³. Основным продуктом российского импорта были углеводороды — нефть и газ. Через Саксонию-Анхальт проходит нефтепровод «Дружба», там же находится НПЗ в Лойне, обеспечивающий заправокные станции, домашние хозяйства и химическую индустрию в самой земле, а также в Тюрингии и Саксонии⁴.

В Бранденбурге в 2021 г. российские поставки (3,93 млрд евро) составили 19,2 %⁵. В землю также поступала российская нефть по нефтепроводу «Дружба», часть которой перерабатывалась на НФЗ в Шведте. Завод напрямую обеспечивал 1200 рабочих мест, а всего нефтеперерабатывающая промышленность на востоке страны создавала работу для 54 500 чел. и 160 предпринимателей в сфере химико-фармацевтической промышленности⁶.

Для остальных восточных земель Россия была важным, хотя и не основным торговым партнером. По данным 2020 г., РФ занимает 13-е место в списке импортеров и 12-е — экспортеров товаров из Мекленбурга-Передней Померании⁷. Именно в

¹ Расчеты автора по: Brandenburg, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/brandenburg (дата обращения: 30.04.2024); Saxony-Anhalt, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/saxony-anhalt (дата обращения: 30.04.2024).

² Расчеты автора по: Saxony-Anhalt, *OEC, World*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/saxony-anhalt (дата обращения: 30.04.2024).

³ Wirtschaft und Verbraucher: So abhängig ist Sachsen-Anhalt von Russland, *MRD*, URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen-anhalt/krieg-russland-sanktionen-folgen-wirtschaft100.html#sprung> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Fortschrittsbericht Energiesicherheit, *Bundesministerium fuer Wirtschaft und Klimaschutz*, 25.03.2022, URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/Energie/0325_fortschrittsbericht_energiesicherheit.pdf?__blob=publicationFile&v=14 (дата обращения: 30.04.2022).

⁵ Расчеты автора по Brandenburg: *OEC*, URL: https://oec.world/en/profile/subnational_deu/brandenburg (дата обращения: 30.04.2024).

⁶ Ukraine-Krieg: Ohne russisches Öl aus der «Druschba»-Pipeline — geht das?, *Merkur.de*, 25.03.2022, URL: <https://www.merkur.de/wirtschaft/ukraine-krieg-news-russisches-oel-druschba-pipeline-ende-zr-91434319.html> (дата обращения: 30.04.2024).

⁷ Statistische Berichte zum Thema Außenhandel, *Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt*, URL: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Gesamtwirtschaft-&-Umwelt/Aussenhandel/Statistische-Berichte> (дата обращения: 23.01.2025).

этой земле находится г. Грайфсвальд, который является конечной точкой газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». В этой же земле располагается начальная точка магистральных газопроводов EUGAL и NEL, по которым газ доставлялся до границы с Чехией и на северо-запад ФРГ. В Тюрингии Россия в 2021 г. находилась на 15-м месте стран-экспортеров и на 30-м месте стран-импортеров¹. В Саксонии в 2020 г. Россия находилась на 20-м месте в списке экспортеров и на 29-м в списке импортеров².

Таким образом, экономическое сотрудничество может оказать влияние на восприятие России, но это не определяющий фактор. Мы не видим связи между восприятием РФ в Саксонии и Тюрингии и относительно невысоком месте страны в торговом балансе земель. В то же время США в 2021 г. занимали в Саксонии 4-е место в списке импортеров и 2-е в списке экспортеров³. Однако, несмотря на это, как было отмечено выше, отношения с Россией для восточных немцев кажутся более важными, чем трансатлантические связи.

Стена в головах: особенности политической культуры

В немецком общественном пространстве также высказывается предположение о том, что большие симпатии к России в новых федеральных землях связаны с особой политической культурой, общим опытом кризисов 1990-х гг., разочарованием в прозападных иллюзиях и ощущением себя гражданами второго сорта. Так, представитель парламентской группы Социал-демократической партии Германии (СДПГ) по культурной политике и бывший восточногерманский оппозиционер Ф. Рихтер писал: «Фатальная уверенность многих заключалась в том, что они принадлежат к жертвам, для которых вопросом чести является дать отпор»⁴. В таком случае поддержка Москвы видится проявлением борьбы за особую восточногерманскую идентичность. В данной статье представляется необходимым разделить предположения о том, что симпатии к РФ объясняются политической культурой, чему посвящен этот раздел, и представление о том, что корни этого явления нужно искать в прошлом ГДР.

Важным отличием восточногерманской политической культуры считается меньшая поддержка демократии. В связи с этим возникает предположение, что косвенно эта черта восточных немцев влияет на симпатию к России (которая в немецком дискурсе считается страной недемократической) и российским политическим элитам⁵.

¹ Russland und die Ukraine im Fokus — Außenhandel und Bevölkerung in Thüringen. Pressemitteilung 035/2022 vom 25. Februar 2022, Thüringer Landesamt für Statistik, URL: https://statistik.thueringen.de/presse/2022/pr_035_22.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

² Расчеты автора по: Außenhandel, Statistisches Landesamt des Freistaates Sachsen, URL: https://www.statistik.sachsen.de/html/aussenhandel.html?_cp=%7B%22accordion-content-8029%22%3A%7B%22%22%3Atrue%2C%223%22%3Atrue%7D%2C%22previousOpen%22%3A%7B%22group%22%3A%22accordion-content-8029%22%2C%22idx%22%3A2%7D%7D (дата обращения: 30.04.2024).

³ Sachsens Außenhandel, *Wirtschaftsförderung Sachsen*, URL: <https://standort-sachsen.de/de/exeporteure/sachsens-aussenhandel> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Warum viele Ostdeutsche russlandmilde sind, Spiegel, 03.10.2022, URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nach-putins-angriffskrieg-warum-viele-ostdeutsche-russlandmilde-sind-a-961d45a1-b648-4d8f-8292-04873df157cb?dicbo=v2-c29b19b7f695b7420efefb8a48f2243d> (дата обращения: 04.10.2024).

⁵ Так, по опросам, в 2019 г. 33,8% восточных немцев и только 20,3% западных назвали В. В. Путина эффективным президентом [4, р. 11].

Представляется, что особенности политической культуры восточных немцев не могут быть основной причиной. Во-первых, данные опросов действительно свидетельствуют о том, что для жителей новых федеральных земель характерна меньшая поддержка демократии, но гораздо сильнее выражено недовольство осси тем, как демократия реализуется в ФРГ (по данным 2020 г., 59 % респондентов на западе и только 39 % на востоке удовлетворены немецкой политической системой)¹. Во-вторых, отношение к стране представляется более важным, чем восприятие ее политического режима. Так, после выборов в США 2016 г., когда немецкая пресса активно критиковала Д. Трампа за антидемократизм, консерватизм и т.п., американский союзник все равно пользовался большей поддержкой на западе, а не на востоке Германии².

При этом было бы неверным полностью отрицать влияние политической культуры. Для новых федеральных земель характерен также меньший уровень доверия СМИ. Соответственно, меньшая поддержка демократии, а также меньшее доверие к собственным средствам массовой информации могут привести к тому, что восточные немцы менее чувствительны к критике российской власти и российской политической системы, характерной для немецких медиа. Однако, как показывает пример с Д. Трампом, нечувствительности к критике со стороны СМИ недостаточно для симпатии к стране или ее лидеру.

«Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать»

Важной частью идеологии новообразованной Германской Демократической Республики стала советско-германская дружба. Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) 5 мая 1949 г. приняла резолюцию, обязывающую членов партии активно поддерживать дружбу с СССР [10, S. 77]. Дружба с Советским Союзом, а также с другими социалистическими странами была закреплена в конституциях ГДР 1968 и 1974 гг.³

Руководство СЕПГ всячески подчеркивало нерушимость советско-германских связей. Это было обусловлено тем, что поддержка СССР была гарантией существования молодой ГДР и ее социалистической системы. Но еще одним важным фактором было происхождение элиты нового государства, значительная часть которой имела сильные эмоциональные связи с Советским Союзом. Наиболее значимые фигуры страны в годы войны участвовали в организации антифашистского «Национального комитета “Свободная Германия”» на территории СССР (Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт) или находились в заключении в Третьем Рейхе (Эрих Хонеккер, Хорст Зиндерман). Другие после бегства из нацистской Германии

¹ *Ostdeutschland. Ein neuer Blick. Bericht 2022*, 2022, Berlin, Der Beauftragte der Bundesregierung für Ostdeutschland, 92 S.

² В 2019 г. «Körber-Stiftung» сравнил значение союзнических отношений с США и Россией для жителей ФРГ: 43 % населения старых земель полагали, что для страны важнее близкие отношения с США, а 21 % — с Россией; в новых землях только 23 % высказались за США и 38 % за Россию (Poushter J., Mordecai M. Americans and Germans. Differ in Their Views of Each Other and the World. Differences especially stark on defense spending and security issues, Per Research Center, URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/03/09/americans-and-germans-differ-in-their-views-of-each-other-and-the-world/> (дата обращения: 20.11.2024).

³ *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968*. Kap. 1. Art. 6. (2.), *Verfassungen der Welt*, URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf68.htm> (дата обращения: 30.04.2022); *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968 in der Fassung vom 7. Oktober 1974*. Kap. 1. Art. 6. (2.), *Verfassungen der Welt*, URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf74.htm> (дата обращения: 30.04.2022).

учились в СССР (Эрих Мильке). Глава восточногерманской разведки Маркус Вольф провел в Советском Союзе детство и юность и среди старых друзей называл себя Мишей [11]. Интересен пример Вилли Штофа и Ханса Модрова, попавших в советский плен, но после обучения в антифашистской школе ставших искренними коммунистами¹ [12, S. 36—45]. Количественные данные о членах в ЦК СЕПГ дают схожую картину. В 1954 г. большую часть состава Центрального комитета составляли «старые коммунисты», 20 % членов ЦК и 6 % кандидатов в 1939—1945 гг. были в эмиграции в СССР, в том числе работали в комитете «Свободная Германия» [13, S. 175]. Связи с СССР подкреплялись образованием — 24 % членов и 9 % кандидатов проходили обучение в Советском Союзе до 1945 г. и 6,6 % членов и 11 % кандидатов — после [13, S. 176].

Проводниками советской культуры и советско-германской дружбы должны были стать общественные объединения. В 1946 г. по решению Совета министров СССР в Берлине был открыт Дом культуры Советского Союза, в котором действовала библиотека, проводились выставки, лекции, был открыт собственный театр². Для того чтобы снизить антисоветские настроения немецкого населения, в 1947 г. появились региональные и центральное общества по изучению советской культуры. Через два года было решено переименовать малочисленные объединения в «Общество германо-советской дружбы» (ОГСД) и превратить его в массовую организацию. ОГСД организовывало публичные лекции и дискуссии на политико-идеологические темы, литературные вечера, концерты, кинопоказы, выступления ансамблей, в его ведение перешли дома культуры, ранее принадлежащие Советской военной администрации в Германии³. Численность новой организации постоянно росла. К середине 1980-х гг. количество членов превышало 6 млн, но обратной стороной увеличения числа вступивших становился формальный характер членства. Большая доля участников не была задействована в мероприятиях ОГСД и не платила членские взносы.

Близость с Советским Союзом подкреплялась распространением русского языка, который с 1951 г. стал первым иностранным языком для изучения в школах. Также активно распространялась советская культура: организацией «Дней дружбы и культуры СССР в ГДР», гастролями танцевальных и певческих ансамблей, кинопоказами⁴.

За 40 лет отношение граждан ГДР к СССР менялось. В первые годы после войны у восточных немцев были сильны антисоветские настроения. Люди критиковали советских солдат и политическую систему, культ Сталина, «Общество германо-советской дружбы». Так, одним из упреков в адрес пропагандистской деятельности Общества был следующий: «Почему так много плакатов и брошюр, когда у детей нет школьных тетрадей?» [10, S. 83—84]. Однако, по воспоминаниям, уже в начале 1970-х гг. восточные немцы не видели в советских гражданах врагов. ОГСД все еще вызывало раздражение части опрошенных, но в основном из-за своего «принудительного характера» и взносов [10, S. 25]. У некоторых граждан ГДР уже появились советские друзья.

Таким образом, лозунги «советско-германской дружбы», распространение советской культуры [14, с. 9—10] и языка заложили фундамент для контактов и сделали Советский Союз «знакомым» и «понятным» восточным немцам.

¹ Интервью автора с Хансом Модровым (10.03.2020).

² ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 1. Д. 3. Л. 24; 17. ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 13 (1). Л. 1, 7, 34.

⁴ Neues Deutschland, 9 Mai, 1980.

Переосмысление прошлого

Интересно, что в риторике СССР и ГДР использовался лозунг советско-германской дружбы, однако оба народа никогда не говорили о примирении. При этом осмысление преступлений нацистского режима было одной из важнейших частей советско-восточногерманских и российско-германских отношений.

В официальной восточногерманской риторике одним из основных итогов Второй мировой войны было «освобождение страны Советским Союзом». В свою очередь, в первые послевоенные годы Москва последовательно вычеркивала этот тезис из официальных выступлений, говоря о победе над Германией. Все поменялось после образования ГДР как независимого государства, когда 7 мая 1950 г. в газете «Нойес Дойчланд» была опубликована телеграмма И. В. Сталина с поздравлением новой страны с Днем освобождения [15, р. 32]. Представители советских делегаций в своих официальных выступлениях также стали говорить об освобождении немцев как о важной цели Красной армии, даже если это не в полной мере соответствовало действительности 1945 г. Так, Михаил Егоров, водрузивший знамя победы на Рейхстаге, сказал в интервью «Нойес Дойчланд»: «Мы не только с нетерпением ждали скорейшего окончания войны, но и хотели, насколько это возможно быстро, освободить немецкий народ от ее ужасов»¹.

ГДР подчеркивала ведущую роль Советского Союза в победе и лидерство в социалистическом блоке. Однако постепенно в речах и публикациях все чаще стал появляться образ двух сил, сражающихся плечом к плечу практически на равных². Политическая элита ГДР все меньше хотела ограничивать себя ролью «благодарного ученика». При Э. Хонеккере Восточный Берлин праздновал День освобождения с той же символикой, что и День победы в Москве. Лидеры партии и государства принимали поздравления и пожелания представителей стран Организации Варшавского договора (ОВД)³, награждали советских ветеранов орденами Шарнхорста и «За заслуги перед Отечеством»⁴.

Элиты ГДР безоговорочно осудили преступления гитлеровского режима и, что важно, с самого начала признали зверства на территории СССР⁵, в то время как западногерманское руководство воздерживалось от последнего [14, с. 17]. С другой стороны, из официальной риторики восточногерманских элит постепенно исчезала проблема вины немецкого народа. Если в первое десятилетие после окончания войны еще обсуждалась ответственность восточных немцев за отсутствие сопротивления немецкому режиму, то позднее при Э. Хонеккере акцент в воспитании стал делаться не на чувстве ответственности или благодарности, а на гордости за принадлежность к антифашистскому государству⁶.

Важно не только то, о чем говорили в ГДР на официальном уровне, но и какие темы замалчивались. Во-первых, в Восточной Германии не допускалось публичное недовольство советскими действиями. В то время как в ФРГ активно обсуждались насилие советских солдат или страдания немецких военнопленных в СССР, в ГДР о светском плене и антифашистских школах говорили как о форме перевоспитания. Восточным немцам, высланным по итогам Второй мировой войны с территорий, переданных Польше, СССР и Чехословакии, запрещалось создавать объединения

¹ Er hisste die rote Fahne auf dem Reichstag, Neues Deutschland, 8 Mai, 1955.

² Neues Deutschland, 8 Mai, 1975 ; Neues Deutschland, 8 Mai, 1980.

³ Neues Deutschland, 8 Mai, 1975.

⁴ Neues Deutschland, 7 Mai, 1985.

⁵ Neues Deutschland, 7 Mai, 1950.

⁶ Интервью автора с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

«изгнанных» («Vertriebene») и культивировать память об изгнании [16, S. 151]. Конфликты между немецкими и советскими гражданами (включая военнослужащих Группы советских войск в Германии) замалчивались [10, S. 94]. Отказ от обсуждения сложных вопросов был спорным и жестоким решением для жертв, однако в данном случае это привело к тому, что болезненные и трагические моменты в отношениях стран не стали частью официальной коллективной памяти.

Таким образом, восточногерманские элиты, значительная часть которых состояла в антифашистском сопротивлении, сразу после окончания Великой Отечественной войны признали преступления гитлеровского режима против СССР. Советское руководство поддержало тезис ГДР о том, что итогом войны стало освобождение Восточной Германии. В данном случае руководство СССР проявило политический прагматизм, поддержав риторику СЕПГ. Восточногерманские элиты всегда дополняли тезис об освобождении немецкого народа утверждением о важности союза Восточного Берлина и Москвы. Сложные вопросы, связанные с военной и послевоенной историей, обеими сторонами не обсуждались.

«Люди между народами»

Кажется, что «советско-германская дружба» не может существовать без взаимодействия между обычными людьми. При этом в совместной истории ГДР и СССР парадоксально соединялись заверения в товариществе и ограниченные частные контакты. Взаимодействие граждан двух стран можно условно разделить на два типа: формализованное и свободное. К первому типу относятся контакты в группах по заранее утвержденной программе — официальные визиты и встречи, ко второму — общение обычных граждан, которое не могло быть подвергнуто контролю или цензуре.

В первый послевоенный период посещения Советского Союза были доступны лишь ограниченным группам элит — политикам, деятелям искусств. Представители партийного актива отправлялись в СССР для получения образования и повышения квалификации. С середины 1950-х гг. начинают организовываться визиты рабочих коллективов, тогда же появляется еще одна возможность посещения «братской страны» — туризм. При этом доля граждан, воспользовавшихся этой возможностью, была невысока. В 1956 г. СССР посетили только 3516 восточных немцев, в 1975 г. их число уже возросло до 143 тыс. чел., а в 1988 г. достигло 380 тыс. [17, с. 156]. Число советских граждан, посещавших ГДР, было примерно в 2—3 раза ниже [17, с. 156].

Туристические визиты были организованы согласно утвержденным программам. В зависимости от состава группы в обеих странах подбирались соответствующие маршруты: представителям сельскохозяйственной отрасли показывали колхозы¹, рабочим — близкие предприятия. Кроме этого советские группы посещали мемориальные места Великой Отечественной войны и истории коммунистического движения. Немецких туристов знакомили с объектами, связанными с историей партии, личностью Ленина, достижениями социалистического строя и в меньшей мере с культурой страны [18].

Программы визитов предполагали торжественные встречи и межкультурный диалог. В ГДР такие встречи организовывало ОГСД. Как и случае с рабочими делегациями, мероприятия происходили в официальной и очень дружеской об-

¹ ГАРФ Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 54. Л. 2.

становке, сопровождалась речами, тостами, художественными выступлениями. Организованность и управляемость данных встреч, с одной стороны, могла приводить к искусственности, а с другой — исключала какие-то серьезные конфликты.

Гораздо более свободными были контакты, сформированные в процессе совместной деятельности — учебы или работы. Именно они зачастую переходили в дружеские отношения. В частности, немецкие ученые, владевшие русским языком, с симпатией относились к советским коллегам и сохраняли с ними личные отношения и после исчезновения ГДР и СССР [10, S. 92]¹. Получение образования не может проходить исключительно под контролем или ограничиваться пропагандистскими лозунгами. Несмотря на то что и современники, и исследователи подтверждают тот факт, что среди советских и немецких учащихся были наблюдатели, на повседневную жизнь студентов это не оказывало существенного влияния [19, с. 76]².

Конечно, мы не можем распространять опыт студентов на всю ГДР. Во-первых, число восточных немцев, получивших образование в советских учебных заведениях, было невелико — с 1951 г. более 22 тыс. [20, с. 535]. Во-вторых, для отправки за границу отбирали мотивированных, успешных в учебе и благонадежных учащихся.

Советско-германские образовательные обмены внесли вклад в укрепление дружественных отношений между странами. Согласно опросам, граждане объединенной Германии, учившиеся ранее в СССР, по-прежнему сохраняют интерес к российской культуре и людям [21, S. 17]. Респонденты положительно оценивали свое обучение в СССР, причем важнейшим фактором стали именно человеческие контакты. Один из интервьюируемых среди прочего отметил, что за пять лет учебы никто из преподавателей или окружающих не напоминал им о войне и не обвинял в случившемся [21, S. 15]. Интересный факт, что положительным впечатлениям не помешало столкновение с социальной неблагоустроенностью общежитий, дефицитом, ограничением на поездки. Более того, в ряде интервью респонденты высоко ценили то, что не соответствовало официальному образу СССР, — политические дискуссии, возможность критически обсуждать некоторые лозунги и читать западную литературу [21, S. 12–13]. Советская молодежь, учившаяся в ГДР, делилась похожим опытом. В Восточной Германии их впечатлили студенческие дебаты, преподаватели, выражающие различные точки зрения, книги (в том числе Генриха Белля), доступ к западному телевидению и относительно высокий уровень потребления³.

Сложнее проанализировать влияние контактов между рядовыми немцами и располагавшимися в ГДР советскими войсками и медиками. Несмотря на то что взаимодействие жестко ограничивалось, неофициальные контакты все равно имели место. Часть подобных контактов оставляла хорошие впечатления [6, S. 26], но одновременно сохранились жалобы гражданского населения на нарушение закона советскими солдатами, что подрывало идею дружбы между народами⁴ [10, S. 94]. Воспоминания немецких солдат и офицеров о взаимодействии с советскими коллегами также разнились, хотя нельзя не упомянуть преимущественно теплые впечатления от контактов с советским гражданским населением [22; 23, S. 19–22].

¹ Интервью автора с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

² Интервью автора с д-ром полит. наук В. И. Васильевым (14.11.2022).

³ Интервью автора с д-ром полит. наук В. И. Васильевым (14.11.2022).

⁴ Bundesarchiv, DC 20/8970. S. 31–32.

Еще одним любопытным способом взаимодействия были письма как взрослых, так и школьников двух стран. Рабочие¹ и студенческие коллективы² с помощью ОСГД или посольств находили друзей по переписке в «братских странах». Школьники, особенно пионеры, отправляли в Клуб интернациональной дружбы или газету «Пионерская правда» просьбы поделиться адресом возможных друзей. Представляется, что для большинства школьников подобная переписка была вызвана искренним интересом или желанием «подтянуть иностранный язык». Согласимся с выводами А. Беловой, что друзья по переписке из СССР и ГДР становились друг для друга «своими другими», с одной стороны, находя параллели в пионерской жизни, с другой — рассказывая об «экзотической реальности». Обмен письмами также способствовал формированию у учащихся чувства симпатии друг к другу и опосредованно к странам [24, с. 230, 244].

Таким образом, хотя контакты между гражданами СССР и ГДР не были многочисленными, их значение не стоит недооценивать. Во-первых, даже организованные визиты и встречи создавали чувство знакомства, а контроль снижал риск конфликтов. Во-вторых, сформированные у обеих стран представления друг о друге как о развитых государствах, как о «своих», но одновременно экзотических «других» вызывали интерес и желание завязывать контакты. В-третьих, столкновение с реальностью, отличающейся от официальной картины, не привело к ухудшению отношений, напротив, именно те, кто имел возможность свободного взаимодействия с советскими гражданами, сохранили хорошее впечатление о стране.

Политика памяти в объединенной Германии: исключение, подтверждающее правило

Однако утверждение, что на положительное отношение восточных немцев к России повлияли контакты между ГДР и СССР, вызывает вопрос — почему мы не видим подобных симпатий к РФ во всех государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Ведь и в других странах Организации Варшавского договора (ОВД) существовали контакты с советскими гражданами, в школах изучался русский язык, распространялась русская культура [25, р. 20].

Предположим, что на разное отношение к России восточных немцев и, например, граждан Польши (оговоримся, что воспоминания населения стран Центральной и Восточной Европы, а также их отношение к РФ неоднородны) повлияло не только совместное прошлое, но и то, как оно вспоминается и оценивается. Как писал М. Хальбвакс, «чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом» [9, с. 8]. А поколения, родившиеся после 1980 г., в своем восприятии опираются на рассказы старших и образы, сформированные политикой памяти.

Политика памяти в Германии не уделяет большого внимания критическому переосмыслению взаимодействия СССР и ГДР, а также советскому влиянию на восточногерманские элиты, что, как представляется, связано с особенностями немецкой истории после 1990 г., отличающейся от опыта остальных стран ОВД.

Во-первых, после распада Восточного блока в постсоциалистических странах к власти пришли новые элиты. В преобладающем числе государств это были представители старой оппозиции, бывшие противниками собственных коммунистических правительств. Соответственно, данные элиты активно критиковали ком-

¹ ГАРФ Ф. Р-9576. Оп. 4 Д. 12 (1). Л. 65.

² ГАРФ Ф. Р-9576. Оп. 4 Д. 13 (1). Л. 29—30.

мунистическое прошлое и частично СССР. Например, президент Чехословакии и впоследствии Чехии В. Гавел, придя к власти, напрямую выстраивал идентичность новых элит как наследников реформаторов 1968 г. и даже поставил архитектора «Пражской весны» А. Дубчека на пост председателя федерального собрания [26, р. 25]. Россия присутствовала в его выступлениях как потенциальная угроза [27, р. 62]. В объединенной ФРГ во власти остались бывшие западногерманские элиты, далекие от борьбы с коммунистическими правительствами и СССР. Более того, Берлин не хотел антисоветской риторикой портить новые отношения с Москвой.

Во-вторых, некоторые драматичные события, связанные с отношениями стран ЦВЕ и СССР, стали важной частью политики памяти этих государств (например, «Пражская весна» в Чехии [28, р. 194] и «Варшавское восстание» в Польше). Семнадцатое июня, день выступления рабочих в 1953 г., подавленного с привлечением советских войск, был праздничным днем в Западной Германии (День германского единства), но после объединения страны был заменен на 3 октября. ФРГ не может кардинально пересматривать сформированную в социалистический период память о Второй мировой войне, а также обвинять СССР в оккупации ГДР¹. В частности, если в Чехии был возможен снос памятника маршалу Коневу, то в Германии подобное решение стало бы нарушением «Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве» и «Соглашения об уходе за военными могилами», а кроме того, вызвало бы серьезное возмущение общественности и обвинения в реабилитации нацизма. Обвинения Советского Союза в оккупации Германии также расценивалось бы как попытка нивелировать преступления национал-социализма.

В-третьих, сами события 1989—1990 гг. по-разному оцениваются в Восточной Германии и других странах Восточного блока. В исторической памяти стран ЦВЕ события мирных революций 1989 г. отображались как собственная победа над коммунистическими режимами, а впоследствии частично и над СССР [29, р. 162]. В ФРГ, напротив, преобладал взгляд, что мирная революция и объединение Германии стали возможными благодаря политике Горбачева. Канцлер Г. Коль в речи, посвященной десятилетию объединения страны, поблагодарил за восстановление единства страны советского лидера, а также американского президента и оппозиционеров в странах бывшего ОВД². Г. Шредер в 1999 г. сказал: «Мы воздаем должное тогдашнему советскому руководству Михаила Горбачева за то, что оно не стояло на пути стремления людей к свободе. Совсем напротив: политика реформ Горбачева способствовала этому развитию»³. А. Меркель 9 ноября 2014 г. назвала М. С. Горбачева в ряду лиц, внесших вклад в падение Берлинской стены⁴.

В-четвертых, войдя в состав единой Германии, ГДР автоматически вступила и в западные структуры — НАТО и ЕС. Соответственно, перед восточными нем-

¹ В Чехии 21 августа отмечается день ввода войск ОВД, который называется «Днем памяти жертв вторжения и последующей оккупации Чехословакии войсками государств Варшавского договора».

² Rede von Dr Helmut Kohl, Bundeskanzler a. D., *Deutscher Bundestag*, URL: <https://www.bundestag.de/parlament/geschichte/gastredner/gorbatschow/kohl-247410> (дата обращения: 04.10.2024).

³ Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder zum Tag der deutschen Einheit am 3. Oktober 1999 in Wiesbaden, *German Political Speeches Corpus and Visualization*, URL: <https://politische-reden.eu/BR/t/49.html> (дата обращения: 04.10.2024).

⁴ Rede von Bundeskanzlerin Merkel anlässlich der Eröffnung der neuen Dauerausstellung der Gedenkstätte Berliner Mauer am 9. November 2014, *Bunderegierung*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-anlaesslich-der-eroeffnung-der-neuen-dauerausstellung-der-gedenkstaette-berliner-mauer-am-9-november-2014-415742> (дата обращения: 04.10.2024).

цами не стояла задача доказывать свою «европейскость». Для стран ЦВЕ присоединение к этим структурам стало задачей на ближайшее десятилетие. Европа была для них целью [30, р. 2], мифическим потерянным домом¹ [31]. Порой для доказательства своей «европейскости» они использовали образ России — антагонистичного Другого, оторвавшего центральные европейские страны от своих корней. Россия как угрожающий Другой присутствует уже в дискуссии интеллектуалов в 1980-х гг. [32, р. 200—207]. М. Кундера писал в своем эссе: «Что могло бы быть более чуждым Центральной Европе с ее страстью к разнообразию, нежели Россия: монолитная, централизованная, нацеленная на превращение всех наций, входящих в империю... в единый русский народ»². После «бархатных революций» 1989—1990 гг. уже политические силы могли выступать с просьбами о включении в западное сообщество, отмежевываясь от Востока, в первую очередь от России [32, р. 211—212] [33].

Таким образом, интеграция бывшей ГДР в единую Германию и западные сообщества определила отличия восточногерманской политики памяти. Соответственно, в НФЗ не было серьезной критики СССР и советско-германского прошлого, которая могла бы повлиять на восприятие России и русских.

* * *

Более положительное восприятие России в Восточной Германии — комплексный феномен, на который повлияли различные факторы. Экономические связи и особенности политической культуры внесли свой вклад в отношение к РФ, однако они не могут быть единственными определяющими обстоятельствами. Другой важнейшей причиной является совместная история.

Исторические связи — язык, распространение культуры, контакты, переписка — сделали СССР для восточных немцев «знакомым», а все знакомое становится менее страшным, чем неизведанное и далекое. Знакомого можно недолюбливать, но легче понимать и не бояться. Здесь уместно вспомнить слова восточногерманского политика М. Плацека: «Когда ты узнаешь русских поближе, это не значит, что ты начинаешь их любить, но у тебя складывается о них более реалистичное представление, у тебя исчезает иррациональный страх»³. Важно, что примирение стало возможным не столько благодаря, сколько вопреки пропагандистским лозунгам. Немцы, непосредственно общавшиеся с советскими гражданами, увидели, что СССР не похож на картинку из учебника русского языка, но сохранили симпатии к России и русским.

Другим фактором стало отсутствие в ГДР и у единой Германии серьезной критики СССР. У объединенной страны не было необходимости уделять большое внимание переосмыслению политики Москвы, а в Восточной Германии обвинения в адрес Советского Союза вообще были под запретом. СССР и ГДР не хотели поднимать сложных вопросов истории Второй мировой войны. «Замалчивание» бо-

¹ Havel, V., The Hope for Europe, an address in Aachen on May 15, 1996, The New York Review, June 20, 1996, URL: <https://www.nybooks.com/articles/1996/06/20/the-hope-for-europe> (дата обращения: 10.06.2024).

² Kundera, M., *The Tragedy of Central Europe*, The New York Review, 1984, URL: https://www.nybooks.com/articles/1984/04/26/the-tragedy-of-central-europe/?srsltid=AfmBOoqG6qlfzrd-FRq1_EQIysWa526pTHIvPkf10ReWgMLsXtVd-0uJR (дата обращения: 10.06.2024).

³ Die späte Liebe zum großen Bruder, *Spiegel*, URL: <https://www.spiegel.de/politik/die-ost-deutschen-und-russland-liebesgruesse-nach-moskau-a-00000000-0002-0001-0000-000166007141> (дата обращения: 04.10.2024); интервью автора с М. Платцеком (12.11.2019).

лезненных моментов, без сомнения, является спорным и жестоким решением, но оно привело к тому, что эти исторические сюжеты не стали частью коллективной памяти следующих поколений.

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Вайденфельд, В. 1998, Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии, *Россия и Германия в Европе*, М., Памятники исторической мысли, с. 250—273.
2. Белинский, А. В., Хорольская, М. В. 2021, «Еще один кирпич в стене». К вопросу о причинах национализма в «новых» федеральных землях ФРГ, *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 87—125, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125>
3. Погорельская, С. В. 2001, Внутриполитические аспекты новой германской внешней политики, *Мировая экономика и международные отношения*, № 7, с. 91—100, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-7-91-100>
4. Sasse, S. 2020, Russland²: Russlandbilder in Ost- und Westdeutschland, *ZOiS Report*, № 5, 29 s.
5. Niedermeier, O. 2009, Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen, *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Heft 2, p. 383—397.
6. Campbell, R. 2015, Political Culture and the Legacy of Socialism in Unified Germany, *German Politics*, vol. 24, № 3, p. 271—291, <https://doi.org/10.1080/09644008.2015.1021793>
7. Pickel, G. 2015, Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten?, in: Kneuer, M. (ed.), *Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung*, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, s. 155—194, doi.org/10.5771/9783845252841
8. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Munich, C. H. Beck, 2006, 320 s.
9. Хальбвакс, М. 2005, Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, № 2, с. 8—27.
10. Behrends, Jan. C. 2003, *Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsche-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949—1990)*, Potsdam, Dokserver des Zentrums für Zeithistorische Forschung, 98 s., <http://dx.doi.org/10.14765/zzf.dok.1.895>
11. Миша. *Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим — в письмах и записках семье, друзьям, соратникам*, 2014, М., Международные Отношения, 288 с.
12. Modrow, H. 1998, *Ich wollte ein neues Deutschland*, Berlin, Dietz Verlag, 480 p.
13. Ludz, P. 1968, *Parteielite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung*, Wiesbaden, Springer Fachmedien, 438 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-663-16268-1>
14. Филитов, А. М. 2015, Русские и немцы — трудный путь к примирению, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 6, № 11.
15. Ульм, М. 2020, 8 мая в немецкой культуре памяти, *Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти*, М., Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», с. 30—44.
16. Schwartz, M. 2008, Vertriebene im doppelten Deutschland. Integrations- und Erinnerungspolitik in der DDR und in der Bundesrepublik, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Heft 1, s. 101—151, <https://doi.org/10.1524/vfzg.2008.0004>
17. Попов, А. Д. 2013, Экспорт советской модели выездного туризма: случай разделенной Германии, *Вестник Пермского университета. История*, № 3, с. 155—165. EDN: RSBJLN

18. Багдасарян, В. Э., Орлов, И. Б., Мазин, К. А., Федупин, А. А., Шнайден, Й. Й. 2007, *Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930—1980-е годы*, М., Форум.

19. Нагорная, О. С. 2016, МГБ ГДР, восточногерманские студенты и «дружественное ведомство»: искушение и границы транснациональной «истории спецслужб» социалистического лагеря, *Исторический журнал: научные исследования*, № 1, с. 72—82, <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.1.16541>

20. Нагорная, О. С. 2013, Восточногерманские студенты в СССР 1950—1960-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети», *Исторический журнал: научные исследования*, № 5, с. 531—540.

21. Schubert-Lehnhardt, V., Wagner, A., 2021, «In der Sowjetunion lernen — und was dabei lernen?» *Lebenswege von DDR-Absolvent*innen sowjetischer ziviler Hochschulen*, Berlin, Rosa-Luxemburg-Stiftung, 21 s.

22. Vasin, V. A., Kryuchkov, A. A. 2021, Kulturelle Beziehungen zwischen DDR und UdSSR am Beispiel der Zusammenwirkung der NVA und Sowjetarmee, *Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы*, ч. 2, М., МГУСиТ, с. 253—260. EDN: WAHAUA

23. Collmer, S., Meyer, G.-M., Schaffer, H. I. 1992, «Begegnung» Deutsch-Sowjetische Beziehungen im Spiegel der Wahrnehmungen von Offizieren der ehemaligen NVA, *SOWI-Arbeitspapier*, № 68, s. 19—22.

24. Белова, А. 2015, Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьников в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР), *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы*, М., Политическая энциклопедия, с. 226—246. EDN: ZDSTVX

25. Mareš, M., Holzer, J., Šmíd, T. 2020, The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech—Russian Relations, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2

26. Kraus, M., Stranger, A. 2000, *Irreconcilable Differences — Explaining Czechoslovakias Dissolution*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 368 p.

27. Holzer, J., Jirušek, M., Kuchyňková, P. 2020, Russia as Viewed by the Main Czech Political Actors, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_3

28. Бочков, Д. А. 2020, It's very personal, или I don't care: Пражская весна между аффектом и дискурсом, *Сибирские исторические исследования*, № 1, с. 188—202, <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/10>

29. Szvák, G. 2023, «Key Moments» in Hungarian Russophobia, *RussianStudiesHu*, № 2, p. 151—168, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.19>

30. Holzer, J., Mareš, M. 2020, Russia as a Czech Security Enigma: Introductory Remarks, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_1

31. Кертеc, И. 2004, *Язык в изгнании*, М., Три квадрата, 208 с.

32. Нойманн, И. Б. 2004, *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*, М., Новое издательство, 300 с.

33. Krausz, T. 2023, Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia, *RussianStudiesHu*, № 2, p. 137—150, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.18>

Об авторе

Мария Витальевна Хорольская, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>



WHY DO EAST GERMANS FEEL AFFINITY TOWARDS RUSSIA: AN ANALYSIS OF ATTITUDES TO RUSSIA IN GERMANY'S EASTERN FEDERAL STATES

M. V. Khorolskaya 

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 09 July 2024
Accepted 21 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6
© Khorolskaya, M. V., 2025

Despite the reunification of Germany taking place more than 30 years ago, the Eastern and Western federal states still have different attitudes toward foreign policy. This article explores the reasons and prerequisites for greater understanding and lower awareness of Russia in the eastern part of Germany. The author examines the correlation between East Germans' perception of Moscow and their political culture, as well as the economic ties between the Russian Federation and the new federal states. Using archival materials, newspapers from the former German Democratic Republic, interviews, and social surveys, the author tests the hypothesis that sympathy toward Russia in East Germany may be rooted in the shared history of the GDR and the USSR. The steady dissemination of Soviet culture and the Russian language, along with various personal and institutional contacts, made Russia seem less foreign and more familiar. Furthermore, both the GDR and the USSR avoided raising difficult questions about World War II that could have complicated mutual relations. The study also identifies differences between memory politics in Germany and in several other former Eastern Bloc countries, which have influenced perceptions of Russia. Due to the nature of reunification and the rapid integration into Western organizations, reunified Germany did not construct the image of Russia as an antagonistic 'Other' to affirm its European identity.

Keywords:

Russia, USSR, Germany, GDR, East Germany, East Germans, Russian-German relations, political culture, politics of memory, The Society for German-Soviet Friendship

References

1. Weidenfeld, W. 1998, Where are the Germans going? On the moral and political future of the reunited Germany, *Russia and Germany in Europe*, Moscow, Pamjatniki istoricheskoi mysli, p. 250—273.
2. Belinskii, A. V., Khorolskaya, M. V. 2021, 'Another brick in the wall'. On the origins of nationalism in the 'new' federal states of Germany, *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, № 2, p. 87—125, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-87-125>
3. Pogorelskaya, S. 2001, Domestic Political Aspects of New German Foreign Policy, *World Economy and International Relations*, № 7, p. 91—100, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-7-91-100>

To cite this article: : Khorolskaya, M. V. 2025, Why do East Germans feel affinity towards Russia: an analysis of attitudes to Russia in Germany's Eastern federal states, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 99—116.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-6

4. Sasse, S. 2020, Russland²: Russlandbilder in Ost- und Westdeutschland, *ZOiS Report*, № 5, 29 s.
5. Niedermeier, O. 2009, Bevölkerungseinstellungen zur Demokratie: Kein Grundkonsens zwischen Ost- und Westdeutschen, *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Heft 2, p. 383—397.
6. Campbell, R. 2015, Political Culture and the Legacy of Socialism in Unified Germany, *German Politics*, vol. 24, № 3, p. 271—291, <https://doi.org/10.1080/09644008.2015.1021793>
7. Pickel, G. 2015, Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinigten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten?, in: Kneuer, M. (ed.), *Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung*, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, s. 155—194, doi.org/10.5771/9783845252841
8. Assmann, A. 2006, *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Munich, C. H. Beck, 2006, 320 s.
9. Halbwachs, M. 2005, Historical Memory and Collective Memory, *Emergency Reserve*, № 2, p. 8—27.
10. Behrends, Jan. C. 2003, *Sowjetische «Freunde» und fremde «Russen». Deutsche-Sowjetische Freundschaft zwischen Ideologie und Alltag (1949—1990)*, Potsdam, Dokserver des Zentrums für Zeithistorische Forschung, 98 s., <http://dx.doi.org/10.14765/zzf.dok.1.895>
11. Misha. The life of Markus Wolf, told by himself — in letters and notes to family, friends, comrades-in-arms, Moscow, International Relations Publisher, 288 p.
12. Modrow, H. 1998, *Ich wollte ein neues Deutschland*, Berlin, Dietz Verlag, 480 p.
13. Ludz, P. 1968, *Parteilite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung Eine empirisch-systematische Untersuchung*, Wiesbaden, Springer Fachmedien, 438 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-663-16268-1>
14. Filitov, A. M. 2015, Russians and the Germans: A Difficult Road Towards Reconciliation, *Istoriya*, vol. 6, № 11.
15. Ul, M. 2020, The 8 of May in the German culture of memory, *Forgive but Not Forget? The Image of War in Culture and Historical Memory*, Moscow, Fond razvitija i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», p. 30—44.
16. Schwartz, M. 2008, Vertriebene im doppelten Deutschland. Integrations- und Erinnerungspolitik in der DDR und in der Bundesrepublik, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Heft 1, s. 101—151, <https://doi.org/10.1524/vfzg.2008.0004>
17. Popov, A. D. 2013, The export of the soviet model of outgoing tourism: on the example of separated Germany, *Perm University Herald. History*, № 3, p. 155—165. EDN: RSBJLN
18. Bagdasarjan, V. Je., Orlov, I. B., Mazin, K. A., Fedulin, A. A., Shnajdgen, J. J. 2007, *Soviet through the Looking-Glass. Foreign tourism in the USSR in the 1930s—1980s*, Moscow, FORUM.
19. Nagornaja, O. S. 2016, MSS GDR, East German students and the «friendly department»: temptations and boundaries of the transnational socialist «history of the intelligent services», *Historical Journal: Academic Research*, № 1, p. 72—82, <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.1.16541>
20. Nagornaja, O. S. 2013, East German students in the USSR 1950—1960s: transnational areas and socialist «networks», *Historical Journal: Academic Research*, № 5, p. 531—540.
21. Schubert-Lehnhardt, V., Wagner, A. 2021, «In der Sowjetunion lernen — und was dabei lernen?» *Lebenswege von DDR-Absolvent*innen sowjetischer ziviler Hochschulen*, Berlin, Rosa-Luxemburg-Stiftung, 21 s.
22. Vasin, V. A., Kryuchkov, A. A. 2021, Kulturelle Beziehungen zwischen DDR und UdSSR am Beispiel der Zusammenwirkung der NVA und Sowjetarmee, *Tourism industry: Opportunities, Priorities, Problems, and Prospects*, Part 2, Moscow, MGUSiT, p. 253—260. EDN: WAHAUA
23. Collmer, S., Meyer, G.-M., Schaffer, H. I. 1992, «Begegnung» Deutsch-Sowjetische Beziehungen im Spiegel der Wahrnehmungen von Offizieren der ehemaligen NVA, *SOWI-Arbeitspapier*, № 68, s. 19—22.
24. Belova, A. 2015, International pen pal friendship as a phenomenon of schoolgirls' everyday life in socialist societies of the 1980s (case of the GDR and the USSR), *Everyday life in socialism. German and Russian approaches*, Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, p. 226—246. EDN: ZDSTVX

25. Mareš, M., Holzer, J., Šmíd, T. 2020, The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2
26. Kraus, M., Stranger, A. 2000, *Irreconcilable Differences — Explaining Czechoslovakias Dissolution*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 368 p.
27. Holzer, J., Jirušek, M., Kuchyňková, P. 2020, Russia as Viewed by the Main Czech Political Actors, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_3
28. Bochkov, D.A. 2020, It's very personal, or I don't really care: The Prague Spring between affect and discourse, *Siberian historical research*, №1, p. 188–202, <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/10>
29. Szvák, G. 2023, «Key Moments» in Hungarian Russophobia, *RussianStudiesHu*, №2, p. 151–168, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.19>
30. Holzer, J., Mareš, M. 2020, Russia as a Czech Security Enigma: Introductory Remarks, in: Holzer, J., Mareš, M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_1
31. Kertesz, I. 2004, *The language of exile*, Moscow, Tri kvadrata, 208 p.
32. Neumann, I.B. 1999, *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*, University of Minnesota Press, 304 p.
33. Krausz, T. 2023, Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia, *RussianStudiesHu*, №2, p. 137–150, <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.18>

The author

Dr Maria V. Khorolskaya, Research Fellow, Department of European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>



Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)